АНДРЕЙ ЛОЗОВОЙ

ТРАГЕДИЯ СТРАНЫ. ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ

Эта книга написана сыном потомственного донского казака, прошедшего все войны 20-го века, сталинские лагеря, чудом сохранившего семью и пятерых детей.

Андрей Лозовой

Трагедия страны. Трагедия семьи

«Автор»
2025

Лозовой А. И.

Трагедия страны. Трагедия семьи / А. И. Лозовой — «Автор», 2025

Историю нужно знать, чтобы не повторять ошибки. Обычно её пишут ученые по косвенным фактам, найденным документам и раскопанным предметам, но особую ценность представляют живые свидетельства непосредственных участников событий. Эта книга написана мной по мемуарам и дневникам моего отца Ивана Васильевича Лозового. Сына настоящего донского казака - Василия Антоновича Лозового. Мой дед участвовал во всех кровавых событиях, случившихся в двадцатом веке. Первая мировая, Гражданская война, в 1937 году он был арестован и сослан на десять лет в сталинские лагеря. Чудом выжил, чудом выжили его пятеро детей - члены семьи "врага народа". И обо всем этом рассказывается в этой книге. В ней вы не найдете никаких литературных изысков, описаний пейзажей донской степи и т.д. Простой рассказ об истории одной семьи, но от некоторых страниц в жилах стынет кровь. Какой нужно было обладать силой воли, чтобы выжить в невероятно жестких условиях войн и репрессий.

© Лозовой А. И., 2025
© Автор, 2025

Андрей Лозовой
Трагедия страны. Трагедия семьи

Октябрь 1937 г. Ночь. Саманная изба с окнами на уровне земли, подъезжает «воронок». Стучат в окно. Выходит, женщина с большим животом, в длинной ночной сорочке, Трое мужчин в кожаных куртках просят зайти в избу. Она зажигает керосиновую лампу и впускает их. С кровати подымается мужчина. Они у него спрашивают фамилию, имя, отчество, и говорят: «Одевайтесь, поедете с нами. «Зачем?», отвечает он. «Там вам все объяснят». В другой комнате покатом лежали пять детей. Проснулась девочка лет семи. Молодой мужчина, стоящий рядом, спросил у неё: «Это все ваши?». Она отвечает: «Да». Он покачал головой и сказал: «Пропали дети».

Женщине сказали, чтобы она собрала теплую одежду и продукты.

Проснулся мальчик постарше и вышел вместе с отцом, и проводил его до машины.

Так началась трагическая судьба семьи Василия Антоновича и Марии Павловны Лозовых.

Утром дети пошли в школу, Коля в 5-й класс, Жора в 4-й, Люба в 3-й, Рая в 1-й класс. В 5-й класс, где учился Коля, вошла директор школы и громко объяви ла: «Сегодня ночью была раскрыта и арестована шайка врагов народа». Коля моментально выскочил из класса и убежал. Но домой он не вернулся. Других детей от вела домой двоюродная сестра, которая работала в школе. Мария Павловна была беременна, на седьмом месяце, ждали шестого ребенка, но судьба распорядилась по-другому.

На другой день жена уехала в станицу Пролетарскую, чтобы узнать, где муж… Там случились преждевременные роды. Умерли два ребенка. Она тяжело заболела и пролежала в больнице два месяца.

Пять детей остались одни, старшему 11 лет, меньшому два года. Дети врага народа. Без всякой помощи. Поруганные в школе.

Кто-то передал бабушке в другое село, что дети остались одни, и она приехала спасать внуков.

Когда жена после больницы вернулась домой, она собрала все документы, что он служил в Красной Армии с 1918 по 1924 г., и послала Молотову. Но оттуда ответили, что в архивах его прохождение службы не числится. Но в 1960 г. отца реабилитировали. Он написал в военный архив, где служил и какое время. Оказалось, всё в архиве есть, службу его подтвердили и назначили персональную пенсию.

Кто же он, враг народа» Лозовой Василий Антонович? Предки его жили под Киевом. Потом уехали осваивать донские земли. Такой фамилией на Дону было названо несколько хуторов и речек. Во время учебы в техникуме нас послали в Семикаракорский район убирать виноград. Девушка, которая переписывала нас, подняла глаза, посмотрела на меня и говорит: «А у нас полхутора Лозовых!». По приезду домой я рассказал об этой встрече отцу. И он поведал историю переселения наших предков.

В России мало добывали соли. И правительство выделило ссуду на освоение соленых озер около Маныча. И наш прадед переселился на эти земли. Они были не плодородны, воды питьевой не было. Поэтому дома строились каменные, с покрытием оцинкованным железом. Близ домов были бассейны с дождевой водой и питьевой, которую привозили за 15 километров.

Когда совершалась революция и начали раздавать помещичьи земли, дед взял земли там, где они были плодородны и была питьевая вода. Семья переселилась в поместье Базарынке, где организовался хутор Сеналино.

Дед был крепким хозяином и любил в хозяйстве порядок.

Василий седьмой ребенок. Было пять сыновей и две дочери.

Тетя Таня (одна из дочерей) рассказывала, как они работали в своем хозяйстве. Утром выезжали в поле с рассветом и трудились до заката. В летнее время никаких выходных не было. На обед брали хлеб, сало и квас. Также работали и на добыче соли. Основной доход давали скотоводство и соль. Зерновых сеяли мало, только для своих нужд и для корма скоту. Зерно ценилось меньше, чем соль. Выгоднее в г. Ростов повезти соль, чем зерно.

В селе находилась церковно-приходская школа и все дети окончили ее.

В Сальских степях, в основном, находились конезаводы, которые поставляли лошадей армии. Пастухами работали дети малоимущих и середняков. В 1918 г. Думенко собрал этих ребят, которые верхом на лошади держались лучше, чем на ногах. Научил их рубить саблей, стрелять. К ним в отряд ушел и Василий. В армии Думенко он воевал до его расстрела. Он был в числе тех, кого разоружали. Построили их в два ряда, посредине ехала повозка, они складывали свое оружие на повозку. После их расформировали по отрядам Буденного.

По тем временам Василий был грамотным, и его отправляли учиться в офицерскую школу, но он отказался, так как он остался последний в живых сыном. Остальные погибли, кто во время войны с Германией,

кто в гражданскую. Он должен, по старой традиции, жить с родителями.

После демобилизации он решил жениться. Поехал по сёлам искать невесту. В селе Веселом он увидел чернявую девочку с длинными косами. Она играла в мяч. Она ему понравилась. Он познакомился с семьей ее. Несколько раз приходил в гости. Мария была из семьи сельских ремесленников. Мать портниха. Отца не было, он погиб. Василий послал к ней сватов. Когда её засватали, ей было семнадцать лет. Пришла она в семью основной хозяйкой, так как мать Василия была парализована и с постели не подымалась. Хозяйство было большое. Десять коров, свиньи, птица, овцы. Всё это хозяйство свалилось на её, почти детские, плечи. Кроме того, она рожала три года подряд. Жили они в небольшой землянке. Отец продал часть скота и дал деньги Василию, чтобы он строил дом. Он поехал в поселок Зимовники за лесом для постройки дома. Но там встретил однополчанина. Тот ему посоветовал не строиться в такое время, а то все равно отберут. «Ты лучше накупи побольше мануфактуры, а то будут тяжелые времена». Он так и сделал. Но, по приезду домой, отец его выругал и велел продать мануфактуру и ехать покупать лес для постройки дома. Василий всё приобрел и построил дом, лучший в селе. Внутри всё обито деревом, деревянный потолок с деревянным крыльцом. Дом и кухня покрыты черепицей. Дед был справедливый, но крутого нрава. Он никого не боялся, так как считал: всё, нажитое честным трудом, никто не имел права отобрать. Если где видел бесхозяйственность, то не мог пройти мимо.

Так однажды он остановил одного из руководителей села, который ехал на бедарке. Руководитель говорит: «Что тебе нужно, дед?». И тот зануздал лошадь, закрепил хомут, поправил сбрую и сказал: «Ты мне не

нужен. Мне лошадь жаль. Ты её загубишь, если будешь ездить на незакрепленном хомуте и на незанузданной».

При коллективизации Василий отдал в колхоз 300 овец, 10 коров, 4 пары волов и 4 лошади. Дед, узнав о том, что все отдано в колхоз, заболел, и больше не поднялся.

Василий Антонович работал бригадиром и все люди его уважали за справедливость и честность.

Об этом я могу судить по одному эпизоду, произошедшему со мной. Во время войны нас, маленьких, вывозили в поле собирать упавшие после среза колосья. Нами руководила женщина. Она сказала: «До обе да собирайте отдельно каждый в снопы, а после обеда будете сносить в общий стог. Я посмотрю, кто хорошо работал, а кто плохо». Нас покормили, и мальчики, которые не хотели собирать, кинулись сносить первые попавшиеся снопы. А я сказал: «Нет, надо сносить те снопы, которые собрал сам». Женщина посмотрела на меня и сказала: «Такой справедливый, как отец».

Но в 1932 году Василия Антоновича исключили из колхоза, забрали дом и выселили из села. Он с женой уехал к знакомым в другое село. Четверо детей оставили в детсадике. Но ночью пришли мужчины и вывели детей из садика, и усадили около колодца, под деревом. Утром люди увидели детей, сидящих под деревом, разобрали по одному. Родители в другом селе сняли сарай, устроились на работу и забрали детей. Там они прожили несколько месяцев. Но вернулся председатель колхоза, которого в НКВД забрали и держали несколько месяцев. Он уговорил Василия Антоновича вернуться в колхоз, работать бригадиром. Но дом не отдали. И он построил землянку. Ему говорили близкие, чтобы он уезжал с этой местности, что его в покое не оставят. Но председатель колхоза утверждал, что их больше трогать не будут. И этого «врага народа» каж

дую ночь выводили на допрос, били, чтобы он сознался в агитации против советской власти.

Однажды, после очередного избиения, без сознания бросили в камеру. Когда он пришел в сознание, там был ещё один человек. Он оказался знакомым с другого села. Он хорошо знал отца Василия Антоновича.

И он ему сказал: «Ты ещё молодой, может, выживешь. Сознайся во всем, в чем тебя обвиняют. Тебе да дут 10 лет и поедешь строить железную дорогу. Иначе они будут бить, пока не помрешь. У меня убили уже двух сыновей». Василий Антонович сознался и пле- мянника Федора уговорил сознаться. И отправились они строить БАМ. Вывезли их в лес, кругом деревья и болото. Они построили себе жилье. Потом строили до-

рогу. Кормили очень плохо. Поначалу привозили еду. а посуды не было. В руки похлебку наливали. При-шлось из дерева делать чашки, ложки. Условия труда были тяжелые. Необходимо было тележку с одним ко-десом насыпать полную земли и по настилу катить на насыпь. Кто выполнял норму, давали один паёк хлеба, кто две нормы, давали два пайка. Кто не выполнял,

давали полпайка, после человек не мог работать и помирал. На весь лагерь была похоронная бригада, 100 человек, а зимой мертвых ставили в сарай. Рядом с отцом работал молодой парень, физически очень слаб. Он не мог выкатить тележку на насыпь. Отец решил ему помочь. Тот насыпал землю в тележки, а отец катил их на насыпь. Так он стал выполнять норму. В лагере не было никакой медицинской помощи. Но веко-ре «Красный крест» добрался до них. Руководству лагеря пришлось организовывать медпункт. А знакомый отца оказался студентом последнего курса мединститута. Его назначили врачом, который имел право больных освобождать от работы и держать на больничном. Он часто помогал отцу.

В лагере их смешали с уголовниками, ворами в законе, которые не работали. Они политических обкрадывали. Пайки давали утром на весь день. Заключенные поделили сундучки, каждый себе, и там закрывали пайки на замок. Но уголовники замки срывали и пайки забирали.

Однажды отцу с племянником пришла посылка. Они её спрятали в сундучок и ушли на работу. Вечером приходят и видят, уголовники сидят на их сундучках, едят их харчи и играют в карты. Племянник был ещё молодой, ему было 27 лет, ростом около двух метров, крепкого телосложения. Он их схватил за шиворот и лицом ударил о кровать. Они выхватили ножи и бросились на него. Он выскочил из барака, схватил рядом стоящую оглоблю и восьмерым перебил позвоночник. Начальник режима сказал ему: «Тебе здесь оставаться нельзя. Они тебя зарежут». И племянника отправили в Воркуту добывать уголь.

Когда началась война, они рельсы разбирали, строили заводы. Отец строил литейный завод в г.Сковородино Читинской области. На нем он проработал литейщиком до освобождения. Они лили мины в кокиль. Работали круглосуточно: кто падал от усталости, ставили другого, а обессиливший здесь же и отдыхал.

А безграмотная женщина в тридцатилетнем возрасте, жена «врага народа», осталась с пятью детьми. Никакой помощи ни от кого не могло быть. Напуганные люди могли только посочувствовать. Что делать? Как жить?

Детей надо кормить, одевать. На эти вопросы она ответила упорным трудом. Она работала день и ночь. Днем в колхозе, ночью дома. Четверо ходили в школу. Близкие люди уговаривали её некоторых детей отдать им. Официально помогать они боялись, а взять на воспитание могли. но она отказалась отдавать. Права ли

она? Дети лишились детства. Игрушек никогда никаких не было. Зимой я из глины лепил целые табуны лошадей и обжигал их в печке. Лепил собак, овец, коров, но лучше всего у меня получались лошади.

Летом и держал в огороде целый зоопарк. Были у меня разные птенцы, я их кормил червячками. Были зайчата. Один не убегал из огорода до поздней осени. Был орленок. Он вырос такой большой, что сам со мной

ходил добывать пищу. А питался, в основном, ящерицами. Иногда сам через огород шел в поле и возвращался. Когда выросли крылья, улетел. Очень мне хотелось иметь коньки, но, увы, их купить не представлялось возможным, такое финансовое положение. Поэтому я где-то достал большие ржавые коньки-дутыши. Приспособил их на свои большие валенки и кое-как катался. Санки у нас были, на них вывозили навоз из сарая. Но у них были полозья из сосны. Они плохо скользили. А у всех ребят были полозья санок из дуба. Так я достал спинки старой кровати. Изогнутую часть отрубил и подбил полозья. И они скользили лучше дубовых.

Дети рано стали взрослыми. Летом старшие братья помогали маме на работе. Она поливала плантацию, а они гоняли верблюда, который крутил колесо для по-дачи воды на плантацию. Я это помню, так как часто катался на этом колесе и там мне однажды придавило ногу. Коля домой меня нес на руках. Когда братья под-росли, стали работать пастухами лошадей. Сёстры работали на огороде. Они обрабатывали не только свой огород, но нанимались обрабатывать огород соседям за плату. Огород у нас был большой, целый гектар. Там росли: лук, помидоры, огурцы, капуста, морковь, свекла, сеяли кукурузу, фасоль, горох. Но особенно хорошие росли у нас дыни, арбузы и кабаки. Больше всего нам помогали зимой кабаки. Они росли большие и очень много. На зиму мы их прятали внутри скирды сена. Ими питались мы, теми, которые были послаще и вкусне. Похуже отдавали корове, курам, свинье. Чтобы всё это кормить зимой, надо ле том заготовить для них пищу.

Основным кормом были сено и кабаки. Для птицы кукуруза. Заготовка сена была тяжелым трудом. Мама поливала плантацию с пяти до десяти утра и вечером с четырех до девяти. А во время жары косила траву по балкам и лесополосам. Свозила с братьями на ручной тележке. Так продолжалось всё лето. Колхоз не помогал. Соседи отрыто нам помогать не могли, но все нам сочувствовали и не были согласны с официальными лицами. Если кто и помогал, то скрытно. За девятнадцать лет, которые я прожил в этом селе, никто не назвал меня сыном кулака или сыном врага народа. Сладостей у нас никогда не было. Фруктов не было. На зиму сушили дыни и паслён. И самое лучшее лакомство были пироги с тыквой, паслёном и сушеной дыней. Земля в огороде была пес-чаная, и вырастали очень вкусные дыни и арбузы. Ароматнее и вкуснее дынь и арбузов я нигде не встречал. Единственно, когда я не хотел кушать, это июль и август, когда поспевали дыни и арбузы. Я их ел с утра до вечера. Утром пойдешь на огород, сорвешь лопнувшую дыню, и лучше еды нет. Когда солнце припечет, начинаешь кушать арбузы.

Заготавливали на зиму квашеную капусту, солили огурцы, помидоры; морковь и свеклу держали в песке. Но всё это кончалось в марте. Самыми трудными месяцами были март и апрель.

Мария Павловна не только отказалась отдавать детей, но свою жизнь отказалась устроить. На ней предлагал жениться председатель колхоза. Его жена умерла. У него тоже были дети. Он

несколько раз провожал её и предлагал нас всех усыновить. Правильно ли поступила она? На этот вопрос ответила история. Она сохранила семью. Мы все остались дружными до пожилого возраста. У каждого сложилась семья. Но мы не пропали, как предполагал один из сотрудников НКВД. Мы все получили высшее образование, хотя уже в зрелом возрасте, и были полезны своей Родине, как она над нами не издевалась.

Но началась война. Фронт приближался к нашему селу. Шла эвакуация колхозов. Увозили самое ценное. Колхозную библиотеку оставили и предложили жителям разобрать книги по домам. Первыми на это откликнулись мы, ребята. Я выбрал самую большую книгу в черном переплете с лощеной бумагой. Еле домой дотащил. Это оказалось полное собрание трагедий Шекспира. Мне их читали сёстры. На всю жизнь запомнил две фразы: «Она меня за муки полюбила, а я её за состраданье к ним», «Ты на ночь молилась, Дездемона?».

Старший брат Коля ушел с лошадьми в эвакуацию. Нас осталось четверо. При отступлении наши войска через село не шли, но ехала техника колхозов, гнали скот. Поломанную технику бросали. Сёстры принесли с брошенных тракторов два ведра керосина и постави- ли там, где у нас стояла бадья с водой. Это был жаркий август. Я ходил в другой конец села за щенком. Во время жары мы окна закрывали, чтобы было в доме прохладно. Я захотел пить, вошел в избу, было темно и я кружкой набрал керосина и выпил. С криком я выбежал из избы, никто ничего понять не может, что случилось. Бабушка вошла в избу, и поняла. Сильно пожег желудок. Врачей нет. Как лечить, никто не знает. Вошли немцы. Я уже лежал без движения. На дворе для меня делали тень, и сёстры поочередно сидели возле меня. Все соседи знали, что я безнадежен. У нас стояла немецкая кухня, по-армейски хоанзод.

Немцы на меня лежащего посматривали, один подошел, ощупал мой живот, а он весь вздулся и был синий, и сказал: «Капут». А через три дома стояли офицеры, соседка, у которой они стояли, пришла к нам и говорит бабушке, что у неё живут врачи и говорят по-русски. Бабушка пошла к ним (маме бабушка не разрешала выходить на дому). Она им про меня всё рассказала, и врач дал какие-то таблетки и баночку меда. Сестры разводили теплой водой мед и этой водой я запивал таблетки. Мне стало легче. Я мог хоть что-то пить. Но таблетки кончились, а врач куда-то уехал. Мне стало опять плохо. Но вскоре соседка передала, что врач приехал. Бабушка пошла и принесла ещё таблетки и мед. Так я выжил. Но был настолько слаб, что пришлось заново учиться ходить.

Немцы у нас были недолго. Боев близко не было. Остались полицаи. Они знали, что отец сидит как «враг народа», и стали маму уговаривать, чтобы Жора посту пил к ним на службу. Мама категорически отказала. Еще они хотели, чтобы мы переселились в свой дом. Там была поликлиника, а в кухне жил фельдшер с семьей. Он с женой дважды приходил к нам, упрашивал вернуться в свой дом. Наверно, его к этому принуждали. Но мама отказалась. Она сказала, кто забрал дом, тот пусть и отдает. Чем руководствовалась эта безграмотная, униженная, затравленная, убитая горем женщина? Любовью к родине или каким-то внутренним чутьем. Значит, она верила, что победа будет за нами. Однажды они стояли на крыльце правления, подъехали несколько всадников и спросили, где живут полицаи. Им сказали, и они быстро ускакали, лишь потом женщины сообразили, что у них звездочки на шапках.

Наши войска шли через наше село. Недалеко были сильные бои. Были слышны канонада, выстрелы, а ночью горело зарево и мы с крыш смотрели. У нас постоянно ночевали солдаты. Спали на полу по 50 человек. Им лишь бы согреться. Одни уходили, другие приходили. В школе, в больших домах находились раненые. Все девушки-комсомолки добровольно ухаживали за ними, помогали размещать по домам.

При отходе фронта многие ушли с войсками. Так ушла на фронт наша двоюродная сестра Лиза Макушкина.

За нашим селом был большой склад боеприпасов. Фронт продвинулся на запад, но боеприпасов на складе осталось очень много. Еще несколько месяцев солдаты охраняли склад,

пока его не вывезли. Один солдат жил у нас. Я с ним подружился. Он делал мне игрушки из дерева. Одну игрушку я запомнил на всю жизнь. Два кузнеца по очереди били по наковальне при вращении ручки.

Когда все снаряды вывезли из села, осталось много неразорвавшихся снарядов, мин. В дневное время в селе взрослые все были на работе. Работали даже подрост ки. Дети были предоставлены сами себе. Мы обследовали все окопы, овраги. Находили неразорвавшиеся снаряды, мины и, как умели, их взрывали. Много ре-бят стало калеками. Но на нашей улице не было ни одного несчастного случая. Мы взрывали снаряды в костре. На дне окопа разжигали костер и в него бросали снаряд, а сами прятались в другой окоп. Снаряд взрывался, костер разбрасывало. Мы прибегали смот-реть, что осталось от снаряда. Но один раз чуть не случилась беда. Произошел небольшой взрыв. Мы бросились к костру, но не добежали метра два, произошел второй мощный взрыв. Мы машинально попадали. Над нами просвистели осколки снарядов. Доли секунды нас отделяли от неминуемой смерти. Если бы добежали до края окопа, мы бы все погибли. После этого случая мы стали больше времени выдерживать после взрыва и взрывать только по одному снаряду. Но взрывать снаряды не прекратили и дома взрослые ничего об этом не узнали.

Начали возвращаться с эвакуации. Вернулся брат Коля с лошадьми. Он так и стал работать на конеферме. Брат Жора уехал на конезавод. Но вскоре их забрали в армию.

Во время оккупации, да и всё время войны, одежду покупать негде было, да и не за что. Кто до войны жил хорошо, у тех оставался запас одежды. Но в нашей семье всё снашивалось до конца. Стала тяжелая проблема с одеждой. Маме нужно было идти на работу, одежда ей край необходима. Старшую сестру Любу мать одевала кое-как, так как она управляла хозяйством, а я с меньшей сестрой Раей имели одни валенки огромного размера и фуфайку пятидесятого размера. Когда я её одевал, то рукава касались земли.

Летом я всегда ходил босой и в одних трусах, сшитых из старых вещей с многими латками. Еще снег в оврагах лежал, а мы, ребята, уже все бегали босые и с разбегу скользили по снегу. За май подошва на ногах настолько была грубой, что я мог спокойно ходить по горячему песку и колючки не могли проткнуть мою подошву. Всё мое тело было темно-коричневым, только волосы почему-то выгорали и становились почти белыми.

Когда мне исполнилось 7 лет, я не смог пойти в школу. У меня не было одежды. Дети шли в школу нарядные, а я сидел под хатой в одних латаных, перелатанных трусах. Мне было мучительно больно, ведь я умел уже читать и знал таблицу умножения. Так мне хотелось хоть заглянуть в класс, но в одних трусах стыдно было идти.

Мне не с кем было гулять на улице. Все мои сверстники в школе. На улице бегали дети младше меня. Мне было настолько унизительно, что я первые дни не выходил из дому, пока не придут со школы.

На другой год мне тетя Таня (папина сестра) одежду принесла. Сама сшила. Брюки, чуть ниже колен, из коричневого старого платка, а сорочку из двух полотенец, спереди из льняного, сзади из вафельного. Ходил в школу я босой до пятого класса включительно. Есть фотографии 1947 года, где я сижу впереди босой, в брюках с одной большой пуговицей. Когда выпадал снег, я ходил в школу только на контрольные работы по русскому языку и математике. Помню, один раз я вышел в школу в больших валенках и фуфайке больше, чем я. Сосед, дед Кулешов, ехал на санях и взял посадил меня на сани, а ноги свисали. Я держал ногами валенки, чтобы не свалились, и не удержал, они спали с ног. Я кричу: «Дедушка! Валенки упали». Он пошел, принес их, надел и усадил так, чтобы ноги не свисали. Подъехал к школе и отнес меня в класс. Там я снял валенки, фуфайку и бегал по коридору и в классе в носках. Единственно что мы имели, шерсть. С неё вязали носки, рукавицы, перчатки, шарфы, свитера, и сёстры себе платья.

А однажды я пришел в школу босой, а выпал мокрый снег. Кончились уроки, и я выхожу из класса босой. Учительница увидела, и не пустила меня домой. Принесла из дому свои туфли

на каблуках и носки. Она была маленькая, так что туфли мне подошли. И я в туфлях на каблуках явился домой. Потом сестра ей отнесла.

«Букваря», «Родной речи» у нас не было. Каждый читал по тем книгам, которые нашлись дома. У нас книг было много, я почему-то выбрал «Зоологию». Я её читал, и на ней писал. Перьев не было. Писал я гусиным пером, а чернила делал из сажи. На контрольные в классе по математике и русскому языку выдавали по тетрадке, ручке и чернила.

Мама работала в колхозе с утра до позднего вечера, но за работу писали трудодни, на них ничего не давали. Жили только тем, что собирали с огорода. Надо было сдать 380 литров молока жирностью 3.8%, 100 яиц с каждой курицы. Осенью сдать телка в колхоз.

Одно время мы с мамой жили вдвоем. Сестра Рая жила у папиных родственников в Кизляре. Потом они ей помогли поступить в г. Махачкале в техникум, но долго жить там не смогла по состоянию здоровья. Ей не подошел климат, было нарушено кровообращение, и она вернулась домой. Сестра Люба жила у других родственников, где закончила сельскохозяйственный техникум. У нас с мамой из хозяйства остались коро ва, три овцы да 10 кур. Мама рано утром доила корову и выгоняла её в стадо. Приготавливала мне завтрак и молоко, которое я должен сдать. Я отгонял в стадо овец, потом телка. И нес сдавать молоко. Основная моя работа была полоть огород. Каждый вечер мама отделяла мне участок. Я его должен пополоть. Если я задание не выполню, она поздно вечером приходила и полола. Мне было стыдно, поэтому я старался выполнять задание изо всех сил, со слезами на глазах. Другие дети уходили на пруд купаться, а я полол.

В обед я должен пригнать со стада корову и телка. Мама приходила, доила корову, готовила мне обед и уходила. Я должен отогнать в стадо корову, а потом телка. Но телок у нас был большой, и не хотел уходить в жару из холодка. Я его выталкивал за ошейник. Но однажды он заупрямился и на улице так меня боднул, что я потерял сознание и очнулся на траве к вечеру.

Когда солнце шло к закату, я ещё должен полить на огороде помидоры, огурцы, лук, свеклу, капусту, морковь. Воду носил на коромысле. Вода была метров за четыреста. Поначалу набирал по полведра. Когда подрос, носил полные ведра. Но всегда босой и без сорочки. На плечах у меня были натерты мозоли, так как приходилось ходить много раз и каждый день. Спортом я не занимался. Но когда в армии надо было пробежать сто метров на время, то я в сапогах показал время третьего разряда. И только потом я понял, что мне дало хождение с ведрами на большие расстояния.

Каждый вечер я должен из стада вначале пригнать телка и закрыть в сарае, потом корову и позже овец.

Когда мы с мамой жили вдвоем, в зимние вечера беседовали об отце. Она мне рассказала, как я выбегал из-под стола и кричал: «Папа приехал! Папа приехал!», когда гремел гром, так как отец приезжал домой на бедарке и она грохотала. Но папы не было, и я лез под стол. В память об отце остались счеты и я на них катался.

С приходом весны начинались самые трудные периоды нашей жизни. Кончились запасы пищи для нас и корма для животных. Только земля освобождалась от снега, приходилось скот выгонять в поле, чтобы он сам находил себе корм. Когда появились первые прогали-ны от снега, я шел ловить сусликов. Брал двухлитровый бидончик и шел в поле. Искал норки сусликов (всегда удивлялся, как могли они вырывать их такими круглыми и вокруг ни крошки земли), наливая воду в норку, суслик выскакивал, я его за головку и в сумку. Дома я их обдирал. Шкурки расстилал, чтобы они высохли ровные, на досточку, а мясо шло в пищу курам, собаке и часть нам. Шкурки сдавал заготовителю за деньги.

С середины апреля я ловил в норах раков. Позже, когда вода потеплела, ловил их на удочки. Брал примерно метровую камышинку, к ней привязывал леску с лягушачьей ножкой. Рак хватал лягушиное мясо (иногда его поджаривали), а я осторожно поднимал леску и снизу ловил рака. Вечером мама их варила, и мы в это время года питались почти одни ми раками. С

тех пор я не люблю ни раков, ни крабов, и тем более не считаю их деликатесами. Иногда удавалось поймать рыбу, но очень редко. Для ловли рыбы необходимо иметь специальные крючки и леску, а у меня их не было.

Во время войны приходилось колхозные поля пахать на своих коровах. Но весь урожай с полей вывозили сразу. Мы, дети, как только начали колоситься зерна, шли в поле и там ели молодое зерно. Когда зёрна поспевали, ели спелые зёрна. Сорвешь колосок, в ла-донях натрешь, шелуху сдуешь, а зерно в рот.

Однажды я на покошенном поле нашел небольшую кучку зерна. Дома никакой еды не было. Я набрал за пазуху килограмма три зерна и понес домой. Но вдруг меня на бедарке догнал бригадир и спросил, что у меня за пазухой. Я ему сказал, что нашел это зерно на брошенном поле. А он мне и говорит: «Мне не жалко этого зерна, оно все равно пропадет. Но мне жалко твою мать, которую за это зерно посадят на 10 лет. Отнеси его, где взял, и чтобы никто не видел».

В том, что за два килограмма дают 10 лет, я убедился позже. Находясь в командировке в г. Целинограде, я оформлялся в гостинице. Дежурная, прочитав мой паспорт, внимательно на меня посмотрела, но ничего не сказала. Вечером позвонила и попросила спуститься в фойе. Пригласила в свою комнату и рассказала свою историю. Она жила в ближайшем селе Терновом, и знала моих родителей, они работали в одной брига-де. Она взяла на работе два килограмма зерна и принесла домой. И, только сварила кашу, как явился участковый и забрал ее. Ей дали 10 лет. В Казахстане она отсидела свой срок, там познакомилась тоже с заключенным, и остались жить.

Братья с фронта писали нечасто. Иногда присылали фотографии. Я их всем в школе показывал. Мама у руководителей колхоза спрашивала, не положены ли нам деньги за то, что братья находятся на войне. Ей ответили, что они только сержанты, если бы были офицерами, тогда бы положены.

Когда кончилась война, вернулись домой сёстры.

Они где-то стали работать, наверно, в МТС, так как там что-то платили. Но это не очень улучшило наше материальное положение. Мама к этому времени уже работать не могла. Я по-прежнему в школу ходил босой, и зимой больше сидел дома.

После окончания войны в нашем колхозе стали выдавать одежду, полученную из Германии по репатриации, нам ничего не давали. Но вскоре вернулась из армии наша двоюродная сестра Лиза Макушкина. Её, как участницу боевых действий, включили в комиссию по распределению одежды. Она была возмущена, почему нам не выделяют одежду. Два сына воевали на фронтах, а семье не помогают. Нам стали что-то давать. Одно я запомнил, дали нам красивое шелковое платье розового цвета, но нам никому оно не подходило, да и было слишком хорошее. Сосед у нас был заготовитель вторсырья. Он пришел с женой и купил это платье. Взамен дал цветного ситца на платье сестрам и маме белого. Они пошили себе платья и ночные сорочки.

Легче стало ухаживать за огородом, теперь нас было трое. Но поливал только я.

Был ещё один источник дохода. Летом сёстры ходили собирать соль на соленные озера, а потом продавали.

В начале лета 1946 года я сильно заболел. У меня вздулся живот, и я весь опух. Это случилось потому, что я ел один зеленый горошек, больше ничего не было есть. В это время к соседям приехала родственница-врач. Она только демобилизовалась, и немного жила в нашем селе и работала. Она меня и вылечила. Но я сильно ослаб, и заболел малярией. Меня трясло до такой степени, что я терял сознание. Она меня трясла не весь день, а или с утра до обеда, или наоборот. Но все равно надо было помогать маме. Мы по очереди пасли коров, телят, овец. Однажды я погнал пасти овец. До обеда все было нормально, но после обеда меня начало трясти. Я прилег в ложбинке и уснул. Дед Кулешов всегда следил, как и где пасут овец. Он

увидел, что овцы без присмотра, пришел и увидел меня спящего, но я был без сознания. Он загнал овец на отстой, а меня принес домой.

Коля прислал письмо, что ему дадут отпуск, потом три месяце от него не было писем. Прислал письмо корявым почерком и сообщил, что его контузило, но потом он поправился и поступил в училище.

Жора больной лежал в госпитале. Писал, что у него очень серьезная болезнь и требуется длительное лечение. Мама в конверте положила с письмом 30 рублей, но деньги вскоре вернулись из части. Писали, чтобы больше в письме деньги не ложили, и, что ваш сын всем обеспечен.

Однажды я сидел на уроке около окна, вдруг мой товарищ Петя Турченко подошел к окну и сказал: «Твой отец пришел». Я не помню, ждали мы его или нет, но сразу выскочил в окно и побежал домой. При входе в дом я увидел мужчину, сидящего на сундучке (другой мебели, кроме стола и кровати, у нас не было). Одет он был в костюм черно-серого цвета, но ни это меня поразило. Лицо его было бледно-желтого цвета. Цвета почти мертвеца. Его могли освободить раньше на год, но он последний год лежал в больнице.

Я подошел к нему, и он взял меня на руки и погладил по голове.

Когда он пришел, дома были мама, Люба и Рая. Люба в доме, а мама с Раей на огороде. Мама, как увидела его, сразу села и не могла встать. Рая кинулась к отцу, потом вернулась к матери. Люба выглянула из дома, а он увидел, и думал, что мама, и крикнул: «Мария!». Люба спряталась. Рая смогла поднять маму и они вместе встретили отца, и он увидел, какая стала Мария.

И вот они стоят друг перед другом, совсем другие. У каждого перед глазами образ того, что был десять дет назад. Теперь перед каждым стояло что-то жалкое, подобие человека. Они десять лет подвергались оскорблениям, морально опустошенные, физически раздав ленные. Кому было труднее? Он каждый день в нечеловеческих условиях боролся за выживание, постоянно чувствовавший свое бесправие. Он не мог изменить своего положения, но отвечал только за свою жизнь. Она, находясь на воле, взяла на себя тяжелую ношу вырастить пятерых детей. Каждый день она отвечала не только за себя, но ещё за пятерых. Она понимала, что её жизнь нужна детям. Показав исключительную твердость характера, она все силы отдала на сохранение семьи. Семью она сохранила, растратив свое здоровье. Ноги её уже не носили, кашель всю ночь не давал спать. Что от них осталось? Как они могут наладить свою супружескую жизнь, находясь в таком состоянии? Мама в сорок лет была тяжело больна. Работать физически уже не могла. Отец в 47 лет был очень слаб. Физически работать он не мог. У него на всём теле, по пояс, были вкрапления металла. И они выходили ещё десять лет.

С приходом отца счастья в семье сразу не получилось. Мы должны привыкнуть к нему, а он к нам, ведь мы десять лет жили по-разному. Сёстры были уже взрослые, а я его вообще не помнил. Как-то он при слал фото с другом, так я его не узнал, пока мама не показала где он.

Когда отца арестовали и посадили, мы стали отверженные, влачили жалкое существование. Общество смотрело на нас по-разному, кто с сочувствием, кто со злорадством. Помощь ждать было не от кого. Маме хва тало сил, чтобы нас накормить и одеть. В наш внутренний мир она не вникала. Наше несчастье сплотило нас, и мы внутренние и внешние проблемы решали сами. Вначале нас защищал Коля. Он никому не разрешал нас обижать, вплоть до драки. Потом защищала нас Люба, когда братья ушли в армию. Мы жили особым миром, в нищете, но взаимопониманием.

Когда вернулся отец, он стал как бы глава семьи и решал наши внутренние проблемы. Мы понимали это, но в душе не могли с этим согласиться. Если отец пытался кого-то наказать, в основном, меня, то в защиту вступала Люба и громко заявляла: «Не трогать! Не имеешь права». В это время она была старшей в семье, самой физически сильной, и давала основной

заработок семье. Когда она поехала с отцом за соломой, то убедилась, что он не в состоянии поднять солому на арбу. Она всё нагрузила, а он только стоял на арбе и поправлял солому.

Слава богу, что он пришел осенью, когда у нас ещё всё было с огорода. И он стал понемногу поправляться. Началась проблема с его трудоустройством. Физическую работу он выполнять не мог. На ответственную работу брать его ещё не разрешалось. И старый товарищ взял его пасти овец. Но острая проблема с одеждой осталась. И он ходил в том, в чем пришел, ещё долгое время.

Летом 1948 года демобилизовался по болезни брат Жора. Он воевал на дальневосточном фронте с Японией, в Манчжурин. После окончания войны на одном из учений он простудил почки. Его долго лечили, но вынуждены были делать операцию. Это было уже второе обострение, первое ещё вовремя боевых действий. Ему назначили пенсию, но он отказался её оформлять. Физически он работать не мог, и его назначили кассиром. Комсомольская организация колхоза избрала его секретарем. Он ещё целый год ходил в военной форме.

Осенью 1948 года пришел в отпуск брат Коля. Он окончил первый курс Львовского военно-политического училища. И вот, наконец, собралась вся семья через одиннадцать лет.

Кто мы теперь?

Отец, морально и физически опустошенный, ещё не оправился от заключения и не мог быть авторитарным главой семьи. Мать, безгранично отдавшая себя детям, могла быть только любимой мамой.

Старший брат с одиннадцати лет был нашим защитником и главным помощником мамы. В шестнадцать лет прошел с лошадьми через Волгу, Урал и вернулся обратно. В семнадцать лет командовал противотанковым орудием. Прошел всю Европу до Вены. Награжден орденами и медалями. После войны участвовал в разгроме бендеровских банд, где и был контужен. Смог поступить в военное училище. Всё это позволило ему стать для нас примером и лидером семьи. Мы все с восхищением смотрели на него и слу-шали его советы. Он призывал всех учиться и обещал после окончания училища оказывать материальную помощь.

Он пришел в школу, где я учился и которую закончил сам. Ознакомился с моими знаниями и, кроме математики, остался очень недоволен, несмотря на то, что я, по сравнению с другими, учился хорошо. Он много со мной беседовал и сказал, что, если я хочу. чего-то добиться в жизни, надо трудиться по семнадцать часов в сутки. Все предметы учить не только по учебникам, но читать дополнительную литературу, особенно упор делал на изучение истории и литературы. Он дал мне список книг, которые я должен прочитать за год.

Хотя Жора всего на год был моложе, но очень сильно уважал старшего брата, и прислушивался к его советам. Они любили друг друга и сохранили эту любовь до последних лет жизни.

Люба и Рая с любовью ухаживали за ним. Всё ему стирали, гладили, но только сожалели, что не могут гладить брюки. Он их научил.

Любовь к нам он принес через всю жизнь. Где бы он не служил, он во время отпуска приезжал в родительский дом. Заранее всем писал, и мы старались к этому времени быть дома.

Он привез всем подарки. Всё я не помню, но мне досталась кожаная офицерская сумка с планшетом. До этого я ходил в школу с одной тетрадкой, по русскому языку, и ту носил за пазухой. Эта сумка приучила меня к порядку. Я стал каким-то солидным, в школу ходил с книгами и учиться стал только на «отлично». Привез он книги, полное собрание сочинений Тургенева. Еще привез он хромовые сапоги. По размеру они подходили Любе, Рае и мне. Конечно, больше всего они были нужны Любе, ведь она была уже взрослой девушкой, а обуви хорошей не было. После войны хромовые сапоги были в моде. Но они не лезли на её лодыжки. Она их натягивала со слезами, но, увы! И они решили отдать их мне. Но я их не носил, другая одежда не подходила к таким сапогам. Как только он уехал, мы их продали и купили всем обувь подешевле.

Коля долгие вечера беседовал с отцом. Им было что друг другу сказать. Но отец не сказал ему, за что сидел.

Когда Коля поступал в училище, он сказал, что отца у него нет. Теперь ему необходимо решать, как поступать дальше. По приезду в училище он написал рапорт, чтобы его отчислили, так как отец его жив и был осужден в 1937 году, в настоящее время он жив и живет с семьей. Руководство училища учло его боевые заслуги (и тогда уже понимали, как сажали в 1937 году), и он продолжал учиться.

Наша семья перестала быть изгоем общества. Преодолев все трудности, мы, каждый в отдельности, смог ли завоевать авторитет своим трудом, службой, учебой. Николай, прошедший войну, смог поступить в военное училище. Жора, тоже фронтовик, был избран секретарем комсомольской организации колхоза и назначен кассиром колхоза. Люба после окончания техникума стала работать в колхозе зоотехником. Рая была учетчиком тракторной бригады. Всё это изменило отношение руководства колхоза к нашей семье. Учли опыт работы отца до заключения, его честность и справедливость. Вначале назначили его бригадиром строительной бригады, потом заведующим складом на центральной усадьбе.

Каждый конец месяца все они домой приходили с папками и счётами. Раздвигали наш стол, и кругом садились делать месячные отчеты. Мама смотрела на них и говорила, что не дом, а колхозная контора. Мы с ней были домохозяйками. Она готовила еду, а я ей помогал и, как всегда, ухаживал за скотом. У нас имелись корова, десятка два овец, куры, гуси, свинья.

Во время уборки урожая нас всех, мальчиков, привлекали к работе. Мы на волах отвозили зерно от комбайна на ток. Около комбайна кто-то был из взрослых, и он подводил волов с коробом к комбайну, а мы держали хобот, из которого текло зерно. Движение волов и комбайна должно быть синхронным, иначе зерно сыпалось на стерню. На ток мы ехали сами.

да волы и так знали дорогу. На току женщины разгружали зерно, и опять надо было гнать волов к комбайну. Работали почти сутки, если была хорошая погода.

Только на рассвете комбайны останавливали на техобелуживание, мы ложились спать здесь же, в поле. Отдыхали лишь тогда, когда шел дождь. Кормили нас очень хорошо. На первое всегда был борщ со свежей капустой, на второе мясное блюдо, ведь уборка урожая была главная борьба за благополучие колхоза, хотя самый большой доход давала шерсть.

Когда мы были маленькими, то не обращали внимание на наше жилище, но когда повзрослели, то сразу стал заметен его жалкий вид.

При входе сразу опускаешься на полметра вниз. Входишь в темный коридор, длинный, три метра, и шириной два метра (назывался «сени»). Через дверь первая комната, вернее, кухня, 4 на 3 метра. Справа окно с видом на улицу, слева окно с видом во двор. В правом углу стояла кровать родителей, около неё шкаф для посуды. Четверть комнаты занимала печка с закрытой лежанкой и плитой для приготовления пищи. Слева около окна стоял стол, на котором готовили еду и ели. Около него две длинные скамейки.

Во второй комнате, такой же площади, находились открытая лежанка и продолжение печки. Два окна выходили на улицу и одно окно во двор. Между окнами, выходящими на улицу, стоял стол. Этот стол был лучшей нашей мебелью. Он раздвигался и становился почти на всю комнату. Справа в углу и слева, сразу за дверью, стояли кровати. В левом углу висела икона. Возле неё, снизу, стояли цветы. Всё я не помню, но помню был фикус высотой до потолка и роза, которая цвела красивыми цветами. На окне стоял перец с маленькими красными плодами. В летнее время цветы по субботам выносили на улицу и мыли, и ещё выносили, когда шел дождь. В зимнее время цветы ставили в железное корыто и мыли каждый листочек. Эту работу выполняли сёстры.

Посредине комнаты стояли два столба, подпиравшие потолок. В комнате не было ни шкафов, ни шифоньеров, ни стульев. Вся одежда висела на столбах.

Стены и потолок два раза в год белили, а пол был земляной и каждую субботу смазывали его глиной. Для побелки стен использовали слюду, которую собирали в оврагах, в глинистом грунте. Хорошо её мыли в воде, потом обжигали. Она становилась белой и рассыпчатой. Растворяли её в воде и полученной эмульсией щеткой белили. Для смазывания пола брали глину, растворяли в воде и смешивали с конским пометом, чтобы не трескалась. Каждую осень наружные стены и крышу обмазывали глиной с соломой. Для приготовления обмазки рыли круглую яму глубиной около метра. Засыпали в неё глину. заливали водой. Перемешивали ногами, постепенно добавляя солому, чтобы она равномерно перемешалась с соломой. Когда обмазка высыхали стены белили.

В летнее время в доме печку не топили. Для приготовления пищи во дворе имели летнюю печку. Для топки печки, в основном, использовались кизеки. Они приготавливались из навоза, который зимой вывозился из-под скота, он собирался большой кучей. Летом перемешивался с водой, разравнивался слоем толщиной 20 см. Всё лето он высыхал. Осенью резался на кирпичики и складировался в сарае, чтобы не намок. Самые лучшие кизеки были из овечьего навоза. Ранней осенью и весной топили соломой. Во время войны домашнего скота было мало, кизеков не из чего было приготавливать, поэтому топили, в основном, кураем (перекати-поле). Его осенью заготовляли целые скирды.

Несмотря на то, что из шести членов семьи четверо работали постоянно, благосостояние наше сильно не улучшилось. С питанием проблем не было, благодаря уменьшению налогового бремени. Молоко мы больше не сдавали, поэтому у нас всегда были масло и молочные продукты. Яйца тоже не сдавали, лишние могли продавать. Телка осенью не надо было сдавать в колхоз, можно продавать. Благодаря домашнему хозяйству, мы всегда имели мясо. Летом резали, в основном, кур, осенью гусей, зимой баранов и свинью.

Но с одеждой проблемы не решены. Троих молодых людей надо было не просто одеть, а хорошо. Для этого не было средств, да и купить негде было. Еще хуже дело обстояло с постельными принадлежностями и обстановкой в квартире.

Но семейная жизнь к этому времени наладилась. Мы привыкли переносить трудности, и они не сказывались на наших взаимоотношениях. Мы жили дружной, сплоченной семьей.

Осенью 1949 г. пришел в отпуск Николай, уже лейтенантом. Это большое событие для нашей семьи. Был организован торжественный обед с гостями. Отец был хлебосольным, и, если организовывал торжества, то выкладывался сполна.

В это же время я стал комсомольцем. Наша новая директор школы решила в школе создать комсомольскую организацию. Собрала всех ребят, кому исполнилось четырнадцать лет, и стала нас готовить к приему в комсомол. Она даже ходила по всем семьям, уговаривала родителей, чтобы не препятствовали ребятам стать комсомольцами. В комсомол принимали в районном комитете, а район находился за сто километров от нашего села. Нас повезли туда на машине. Но пока нас принимали в райкоме и выдавали комсомольские билеты, машина ушла домой. Мы остались на колхозной базе без средств существования, так как должны были в тот же день уехать. Были у нас продукты, только на один день. Денег ни у кого не было, так как в то время я даже не знал какие они бывают. Мы прожили там три дня. Директор базы давал нам на день булку хлеба и по кусочку колбасы. Хорошо, что на базе хранилась колхозная колбаса, которую продавали на рынке. Только на четвертые сутки директор базы отправил нас на машине другого колхоза, который находился в восемнадцати километрах, был ближе нашего села. Эти километры мы, полуголодные, прошли пешком. Я пришел домой поздно, около двенадцати часов ночи. Семья вся была дома, как раз братья и сёстры пришли из клуба. Они меня поздравили с преодолением первых трудностей по-комсомольски. Интересная была семья. Отец «враг народа», он тогда ещё не был реабилитирован. Мать домохозяйка. Старший брат-офицер член партии. Остальные комсомольцы. В семье «врага народа» воспитались пять активных строителей социализма.

Так мы всей семьей прожили целый месяц. Последний месяц, когда мы все были вместе, ещё детьми родителей. Но были уже взрослыми. Наступал момент создавать свои семьи. Первым из родительского дома, для создания своей семьи уехал Николай. При отъезде он обещал Раю взять к себе, когда устроится, и помочь ей учиться.

Во время праздничных дней в честь Октябрьской революции в клубе была похищена наша сестра Рая. Пришла Люба и заявила, что Синогин Владимир Антонович увел Раю к себе домой, закрылся с ней и не отпускает. К нему ходила она с Жорой, но он не открыл дверь и Раю не отпустил.

Три дня он не открывал двери на все наши уговоры. Когда праздничные дни закончились, отец пошел в администрацию колхоза за советом, что дальше делать. К похитителю направилась делегация в составе секретаря парторганизации, председателя колхоза и отца. Они его уговорили отпустить Раю, и, если она пожелает, пусть выходит за него замуж.

Оказывается, она ему понравилась ещё когда он приходил в отпуск, но она была ещё совсем девчонкой, и он решил, что она ему не достанется. Он уехал. Потом женился. Родился у него сын. Но вскоре разошелся и приехал на родину. Он был член партии, энергичный, и его назначили бригадиром полеводческой бригады, а Рая работала учетчиком той же, но тракторной, бригады. Он уделял ей внимание, и, как старший товарищ, оказывал ей помощь, ведь она работала среди мужчин. Они подружились, он делал всё, чтобы ей понравиться, но события не торопил. А когда узнал, что она может уехать учиться, то понял, что потеряет её.

Мы все были против, чтобы она выходила за него замуж. Он был намного старше её, был уже женат и имел сына. Кроме того, Рая была очень способна и очень хотела учиться.

Он знал, что мы против её замужества, и поэтому решился на такой крайний шаг, но когда всё это случилось, она согласилась выйти за него замуж. Сватать Раю пришла администрация колхоза, так как его родители жили где-то далеко, на Кавказе. Во время сватовства отец сказал: «Рая, помни здесь всегда твой род-ной дом. Будет плохо, мы всегда примем тебя».

Началась подготовка к первой свадьбе. По традиции должна выйти замуж первой старшая сестра, но её жених был в армии.

Собирали всё родственники, как говорят, по нитке. Самое трудное было найти сундук, так как в деревне все вещи хранились в сундуке, у каких-то даль них родственников удалось приобрести его. Где удалось найти наряды невесты, не помню, но она была одета хорошо. Свадьбу гуляли несколько дней.

Так наша семья уменьшилась ещё на одного человека и создалась новая семья.

В это время Люба училась в станице Пролетарской на курсах повышения квалификации, так что дома были только родители и мы с Жорой. Я заканчивал седьмой класс. В нашем селе была школа семилетка, что делать дальше, надо было решать. Как правило, все мальчики после школы шли работать в колхоз. Работали там до армии, а потом редко кто возвращался к себе на родину. Было решено продолжить мне учиться, но где? Или поступать в техникум, или учиться продолжить в школе. Но средняя школа была только в районном центре, вдруг в школу сообщили, что в Камышевке организовывается восьмой класс. И я отвез документы в эту школу. Летом меня Люба свозила в Пролетарскую, и я первый раз в жизни проехал на поезде. Там меня мальчики познакомили с игрой в футбол. Им было странно, что уже такой большой, а не умею играть в футбол.

К осени Люба закончила учебу и её направили работать в Камышевку. Мы с ней поселились на квартире у знакомых. Она работала, а я учился. По воскресеньям ездили домой. Все продукты привозили из дому. Она готовила еду. С учебой у меня сразу обнаружились проблемы. Русского языка уже по программе не было, но надо было писать сочинения по изученным произведениям. В сочинениях я допускал много ошибок. С трудом удавалось получать тройки. Это меня очень огорчало, так как я по всем предметам имел отличные оценки и счи-

тался хорошим учеником. Кроме того, я был секретарем комсомольской организации. Со мной занималась специально учительница.

В нашем классе было всего три мальчика. Один из нашего села, Володя Колесников. Очень способный, особенно хорошо писал сочинения на любую свободную тему, он мог написать сочинения, хотя читал мало. Писал сразу, без черновиков, без проверок, и никогда не допускал ошибок. Он жил только с мамой, которая не работала. Были у него сёстры, но мало ему помогали. Он жил беднее, чем я.

Втроем мы часто спорили о будущей жизни в нашей стране и мечтали о коммунизме, Володя утверждал, что коммунизм наступит через 10-15 лет, я давал более длительный срок, 20-25 лет, а третий говорил, что не раньше, чем через 35-40 лет. Что интересно, чем беднее, тем быстрее хотелось жить при коммунизме. Жаль, Володя не смог закончить восьмой класс, мама не смогла его весной обеспечить продуктами. Последнее время он питался только молочными продуктами и хлебом, но корова перестала давать молоко, и он бросил школу.

Осенью Николай прислал письмо с фотократочкой. На ней он был с девушкой. Звали её Катя. Поженились они 15 октября 1950 года. Мы их поздравили и выслали им посылку.

В Камышевке Люба познакомилась с участковым уполномоченным Ковалевым Георгием Иосифовичем, и в феврале они поженились. Он работал в Камышевке, а жил в хуторе Верхней Антоновке. Отец его был председатель колхоза. За невестой они приехала на машине, а невесты дома не было. Она уехала за нарядами в Орловскую, и уже неделю не могла приехать. Только к вечеру она приехала. Привезла себе наряды и особенно краси-вые туфли. Праздновали у нас допоздна, а потом на машине уехали в Верхнюю Антоновку, там я продавал все имущество невесты, и меня сильно напоили.

Так три члена нашей семьи создали свои семьи.

Если учесть, что я был дома только в воскресенье и на каникулах, то дома остались родители и Жора. У Жоры была невеста, фельдшер нашей поликлиники. Когда я случайно выбил зуб и распухла верхняя губа, он повел меня к ней. Она меня лечила. Так я познакомился с нашей будущей невесткой Шевкоплясовой Марией Стефановной. В мае месяце они поженились. Приезжали её родители. Меня удивили очень маленькие руки её мамы. Свадьбу гуляли несколько дней. Вначале руководил отец, но он быстро напился и лег спать. Он всегда, как выпивал, сразу ложился спать. Потом руководили зятья Володя и Жора. Они тоже напились и начали выяснять, кто из них старший зять. Володя утверждал, что он, так как старший по возрасту и раньше женился, а Жора утверждал, что он, его жена старшая сестра. Всю жизнь при выпивке они спорили, кто старший зять.

Так все старшие братья и сёстры создали свои семьи. Но Жора с Машей жили у нас, так как, кроме них, с родителями уже никто не жил. Я приезжал только в воскресенье, и то не всегда. Чаще я на воскресенье ехал к Любе в Верхнюю Антоновку. Она там жила. Это село было всего в шести километрах от Камышевки.

В селе только ограниченный контингент людей имел постоянную зарплату. Это учителя, работники медпункта, сельского Совета и почты, и заведующий магазином. Остальные люди работали в колхозе за трудодни, которые оплачивались по истечении года. Оплата была очень маленькая.

Жору работа кассира не устраивала ни морально, ни материально, но в селе трудно было найти работу более оплачиваемую. Ему предложили принять магазин. Заведующие магазином в нашем селе очень часто менялись. После каждой ревизии в магазине обнаруживалась большая недостача товаров, и заведующим приходилось выплачивать большую сумму денег, и их освобождали от занимаемой должности. Но Жора согласился. Отец, узнав, что Жора принимает магазин, пришел домой и сказал маме: «Мать, готовь корову продавать. Жора принимает магазин». Другой ценности у нас не было.

Но Жора проработал много лет и ни разу у него не было обнаружено недостачи товаров. Но эта работа его морально не удовлетворяла. Он решил пойти работать в школу. До войны он успел окончить только семь классов, поэтому он мог поступить лишь в педучилище. Окончив педучилище, он пошел в университет, на не-торический факультет. В течение десяти лет он дважды в год выезжал сдавать экзамены.

Магазин он сдал Рае. Она проработала в магазине заведующей до пенсии. Почти сорок лет в селе заведовали магазином члены нашей семьи.

По окончании восьмого класса директор собрал нас по просьбе администрации МТС. Главный бухгалтер на собрании предложил нам на летних каникулах поработать весовщиками зерна. При каждой полеводческой бригаде была тракторная бригада МТС. Ее задача техникой обслуживать полевые работы. Расчет с МТС колхоз производил по сбору валовой продукции. Основная продукция была зерно, колхоз платил МТС за обмолоченное зерно. Наша задача была всё зерно, привезенное от комбайна, перевешивать на весах. Так как больших весов не было, то зерно перевешивали на малых весах. Два человека насыпали зерно на носилки и ставили на весы, потом их переносили в другой бунт. И это зерно уже было колхозное, так наша задача была принять зерно от комбайна, перевесить его и сдать весовщику колхоза. Работа довольно спорная. МТС необходимо точно знать, сколько намолоченного зерна. За это зерно колхоз будет перечислять деньги МТС, и колхозу желательно, чтобы поменьше было зафиксированного, так как он выполнял госпоставку от зафиксированного зерна.

Меня направили в колхоз «Челюскинцы в десяти километрах от нашего села. Когда я пришел к комбайнерам, они очень удивлялись. Раньше весовщиками назначали взрослых людей, а тут пришел босоногий мальчишка, но в администрации МТС считали, что взрослые всегда договаривались и точного учета не было, поэтому решили нас привлечь.

Комбайнеры мне сказали, что они знают, сколько в день намолотят зерна. Им известно сколько зерна в бункере и сколько бункеров выдадут в день, поэтому, если буду взвешивать неправильно, они будут жаловаться в МТС.

Весовщик колхоза, который принимал от меня зерно, сказал: «Надо так делать, чтобы овцы были целы и волки сыты». Но я сразу начал работать честно и ни на какие уговоры не шел, хотя мне было жалко людей, которые переносили на руках короба с зерном и каждый раз ставили на весы. Каждое утро приносил комбайнерам на подпись отчеты приема зерна, и они были довольны.

Работали круглосуточно и без выходных. Каждые десять дней я отвозил отчеты в МТС. И если шел дождь, мог уехать домой. Один раз я поехал с отчетом в МТС, и пошел дождь, я решил съездить домой. До бригады нашего колхоза меня довез горючевоз. Из бригады я пошел пешком, но меня догнала машина, которая ехала из районного центра. Она остановилась и я залез в ку-зов. В кузове, стоя, ехало много людей, но среди них я сразу узнал брата, он был в офицерской форме, рядом стояла маленькая стройная девушка в черном платье.

Николай сразу меня познакомил со своей женой. Мне стало просто жаль её, ведь она сто километров, стоя на ногах. Но брат так не считал. Он любил свою родину и всех нас, а жена вторая часть мужа, и у них всё должно быть едино. Это была жена офицера. Ей ещё ни такое пришлось перенести за время службы с мужем в армии.

Когда в этом колхозе урожай убирали, комбайнеров направили работать в другой колхоз, они меня забрали с собой. И так я с ними работал всё лето. Я заработал какие-то деньги первый раз в жизни, так как МТС оплачивала работу деньгами, а когда я работал в летнее время в колхозе, то писали трудодни и их приплюсовывали к заработанным родителями.

Жора с Машей поехали в отпуск к её родителям, в г. Новочеркасск, и купили мне пальто. Впервые я надел верхнюю одежду, купленную мне по моему размеру.

Я понравился комбайнеру, с каким работал, и он взял меня на квартиру. Мы жили втроем в комнате, были ещё два мальчика из восьмого класса.

Люба переехала жить в село Майорка. Туда направили работать её мужа. У них не было своей коровы и был произведен обмен. Родители отдали им свою телку, а они отдали нам велосипед. Теперь я мог ездить домой не только на выходные дни, но и когда возникнет необходимость. Между нашими сёлами было восемнадцать километров, и при хорошей погоде на дорогу я тратил меньше часа.

В девятый класс пришла новая ученица. Ее звали Тома. Она была отличницей и очень привлекательной. Жила она раньше где-то на Украине. У неё был красивый, какой-то особый говор с украинским акцентом. В классе было два мальчика. Я и сын директора МТС. Он всегда был хорошо одет и опрятен, а я одет кое-как. Она писала сочинения на «отлично». По остальным предметам мы были равны, но предпочтение от давали всегда ей. Она была более аккуратна, спокойна, рассудительна. Видя мою безграмотность, она всегда уважительно относилась ко мне, и предложила мне помощь. Мы писали диктанты, разбирали мои сочинения и работали над моими ошибками.

Но наши отношения стали не только, и не столько деловые, как любовные. Любила ли она меня, не знаю, но я её любил. Мы больше сидели рядом, разговаривали и держались за руки. Так что, я в такой ситуации ничему не мог научиться. Больше говорила она, так как жила в разных городах, посещала театры, видела много фильмов. Ее отца переводили часто с одного ме ста на другое. Но интересовалась, как жил я, моей семьей, и внимательно слушала. Это была если и не обоюдная любовь, то настоящая дружба. Она умела привлекать к себе людей. Ее уважали все девочки и считали за честь быть её подругой. Даже на уроках мы писали друг другу записки, хотя на перемене были вместе. Второй мальчик завидовал мне и пытался нас поссорить. Иногда это ему удавалось.

Однажды в клубе МТС показывали фильм про Тарзана. Сидячих мест было мало, и мы смотрели фильм, стоя на галерке. Он сидел и около него было свободное место. Он пришел и предложил ей сесть рядом. А она ему ответила: «Не важно, как смотреть, а главное с кем смотреть».

Я был не только хорошим учеником, но и активным комсомольцем. Был избран председателем ученического комитета. Проводил очень активные собрания, на которых разбирали неуспевающих и недисциплинированных. Собрание проводили совместно с учителями. Многие бывшие ученики через несколько лет встречали меня в г. Новочеркасске и помнили как председателя учкома. Директор был очень доволен. Все учителя с уважением относились ко мне.

К учебе я относился очень серьезно и был дисциплинированным.

В конце второй четверти за нами прислали трактор с тележкой. По дорогам можно было проехать только на тракторе. Перед этим был мороз, земля сильно промерзла, потом наступила оттепель, сверху оттаяла земля, а глубже осталась мерзлой. Все ученики были из восьмого класса, они учились в первой смене, а я один был в девятом классе, и учился во второй смене. У нас должна была быть ещё контрольная по тригонометрии. По всем предметам меня за вторую четверть аттестовали. По тригонометрии у меня стояли две оценки пятерки. Я пошел к учительнице и попросил, чтобы она меня аттестовала по имеющимся оценкам и разрешила уехать. Она сказала: «Если уедешь, не аттестую за чет-верть». И я остался писать контрольную. Когда занятие закончилась, было уже темно, но я все же решил идти домой пешком. Пошел напрямую, через холмы, овраги. Дорогу я знал хорошо. Уже до села оставалось километра четыре, как путь мне преградил глубокий овраг. Обходить его очень далеко, и я пошел через него. Спустился нормально, а подниматься стал, оттаявшая земля скользила по промерзшей и я съезжал назад в овраг. Много раз пытался я выбраться из оврага, но безрезультатно. И только на четвереньках, по пластунски, я смог выбраться наверх. Я страшно устал. Рядом стояла скирда соломы. Я лег на солому, отдохнул. Соломой, как смог, счистил с себя грязь. Домой

пришел в двенадцать часов ночи. Уже все спали. Как увидели меня, ужаснулись. Я смотрелся, как кусок грязи. Обмыли меня, накормили, и я упал в кровать, как мертвый.

К Новому году Николай прислал письмо с фотографией своей дочки. Ее назвали Валя. Она родилась 16 декабря 1951 года. Так появилась первая внучка у родителей. Вскоре родилась дочь у Любы. Жили они в неблагоустроенной квартире, и сильно заболели мать и дочь. Рая поехали им помочь. Она помогла благоустроить квартиру, но девочка была тяже до больна, и её положили в районную больницу. У неё был менингит. Состояние её улучшилось, и они некоторое время жили у родителей.

Во время каникул погода была такая отвратительна, что я, кроме чтения книг и помощи маме по хозяйству, ничем больше не занимался. Никуда не ходил, зато прочитал всю необходимую литературу для девятого класса.

Вся третья четверть прошла в нормальной учебе, и лишь случилось неприятное событие на нашей квартире.

В этот день нас привезли из дому на санях, запряженных лошадьми. Снег ещё лежал, но была оттепель. Квартиру отапливали углем. Была тихая погода. Печка горела очень плохо, и к вечеру совсем потухла. К вечеру хозяйка не хотела вновь разжигать, а, чтобы сохранить тепло, закрыла трубу заслонкой. Свет почему-то с наступлением темноты не зажгли. Мы, трое мальчиков, лежали на своих кроватях одеты, но без обуви, и ждали, когда дадут свет, чтобы начать готовить уроки. Хозяйка с сынишкой лет пяти лежала в этой же комнате на лежанке. Вначале мы разговаривали, а потом начали дремать. Продлись такое положение ещё полчаса, и мы бы лежали вечно, но нам помог случай. Сыну захотелось в туалет, маме не хотелось вставать и она его послала одного. Он встал, прошел несколько шагов и упал. Она вскочила, и сразу упала, не дойдя до него. Один из нас лежал рядом с печкой, тоже вскочил и сразу упал. Я вмиг очнулся, и понял, что мы угорели. Вставать было нельзя, Гриша лежал около входных дверей, его ноги почти касались двери. Я говорю: «Гриша, мы угорели, попробуй, не вставая, открыть ногой двери». Он немного подвинулся и ногой толкнул дверь в коридор. Потом тихонько встал и вышел в коридор, открыл дверь на улицу и упал. Остался я один. Что делать? Гриша уже вне опасности. Этих троих я вытащить на улицу не смогу, тоже упаду. Решил бежать за помощью к соседям.

Напротив жили два мальчика. Они часто у нас бывали. Мы вместе учились. Если и упаду на улице, то кто-либо подымет и спасет троих. Спокойно спустился с кровати, не обуваясь, в одних носках вышел и побежал через дорогу к соседям. Добежав до их дома, я не постучал, а упал на окно и свалился на землю. Они выскочили, и сразу мальчики побежали к нам, а взрослые занялись мной. Я быстро пришел в сознание. Встал и пошел на свою квартиру. На снегу лежали четыре человеческие фигуры без движения. Пришли взрослые и помогли им прийти в сознание. Я лежал у окна, и поэтому угорел меньше всех. В это время вернулся хозяин в пьяном виде. Увидев лежащих, он ничего не понял, но произнес: «Ну чего вы разлеглись!». Хозяйка пришла уже в сознание и, лёжа, ему ответила: «Еще бы полчаса и мы бы разлеглись навечно».

Наша учительница по литературе была очень эмоциональна. Она страстно любила свой предмет и всю душу вкладывала, передавая нам свои знания. Она учила нас понимать замысел произведения, его идею. Учила критически анализировать прочитанное, смело высказывать свои мысли, отстаивать свои мнения. После каждого изученного произведения проводила диспуты. Нас в классе было всего тринадцать человек и все готовили доклады. Каждый выступал, выражая своё понимание образа. Она не навязывала свое мнение, но направляла наши мысли на правильное понимание образа. Прежде чем давать тему на сочинение, мы обсуждали эту тему, и она требовала каждого высказывать свое мнение. Она научила нас писать сочинение с критическим анализом произведения, выражая свое понимание образа. Хорошая подготовка к сочинению позволяла мне за два часа писать сочинения на семи, восьми страницах,

но результат оказался неутешительный. Оценки за мои сочинения были такими: содержание пять, орфография два. Я делал более шести ошибок орфографических, а это уже была двойка.

Если в первой и второй четверти я писал слабые сочинения, но получал тройки, то за третью четверть у меня была двойка. В четвертой четверти я ещё серьезнее готовился к сочинению. Дома я его полностью писал, учил наизусть, чтобы в классе спокойно перепи-сать и успеть проверить. Но результат был тот же. Я стал нервным. Разрушились отношения с Тамарой, началась у меня депрессия. Девочки класса выразили желание помочь мне, а именно: проверять сочинения. Так делали почти все, ведь в чужом сочинении легче найти ошибки. Они менялись сочинениями и друг у друга проверяли, но я отказался. Конечно, цель моей учебы в школе была поступить в институт, но если я не могу самостоятельно написать сочинение на положительную оценку, то зачем дальше учиться. С их проверкой я получу тройку, но на приемных экзаменах кто мне будет проверять? Наши молодые учительницы честно нам признались, что наша подготовка в этой школе намного слабее подготовки учеников в городе. Там опытные педагоги, спецшколы. Институты про-

водят олимпиады. А мы даже учебниками не обеспечены. В те годы на экзаменах в институты был конкурс по десять человек на одно место. Педагоги у нас были только после института, и то больше года не задерживались, убегали со школы.

Находясь в подавленном состоянии, проанализировав всё это, я решил бросить школу. Девятый класс я закончил с двойкой по литературе письменно, а остальные оценки были пятерки. Дома зая вил, что больше учиться не буду, пойду работать. Всё мои родные понимали, в каком состоянии я нахожусь, спокойно промолчали. Николай меня приглашал после окончания девятого класса приехать к нему в г. Евпаторию, но теперь ни о какой поездке не могло быть и речи.

Я пошел работать в колхоз, другой работы в селе не было. Вначале я работал на заготовке сена. Как началась уборка зерна, меня поставили работать на соломокопнителе. Солома из комбайна попадает в соломокопнитель и моя задача вилами солому равномерно рас-пределять, а как наполнится полный соломокопнитель, нажимать на педаль, и стог соломы остается на поле. Работа очень пыльная. Работать можно только в закрытых очках, иначе глаза засоряются и ничего не будет видно. Работаешь на солнце, весь мокрый, а пыль и мелкая солома (полова) прилипают к телу. Вначале мы работали вдвоем, стояли с вилами по обе стороны соломокопнителя. Сутки выстоять невозможно. Мы поделали длинные черенки у вил, чтобы можно с одной стороны равномерно распределять солому по всему соломокопнителю. Стали работать по одному. Кругов пять проедет один, потом другой. Когда отдыхаешь, можно стряхнуть с себя пыль, до пояса раздеться и обмыться. Становится легче, и быстрее отдохнешь.

Кончилась уборка и меня послали работать на заготовку силоса. Я стал уже членом небольшого коллектива. А в коллективе необходимо подчиняться общим правилам. Правила были такие, кроме тяжелого труда, совместный отдых после работы, как они называли, снятие трудового напряжения.

За день шофер, который возил силос от комбайна, один рейс делал левый, то есть продавал. На деньги покупал водку и закуску, и после работы была коллективная пьянка. Мне это страшно не правилось, но отказываться нельзя. Коллектив не поймет. Такая перспектива жизни меня не устраивала. Но что делать? Из села не уедешь. Нет паспорта, тем более военкомат меня уже взял на учет, никуда не отпустит. Приближался сентябрь месяц, начало занятий в школе. Мои родственники начали уговаривать продолжить учиться, а значит, идти опять в девятый класс. Отец сказал: «Пока я работаю, учись. До армии ты должен закончить школу».

Мама видит, что я каждый день прихожу домой с работы выпивший, не ужинаю. Утром выгляжу плохо, ведь я раньше вообще не пил. Даже в компаниях я старался уклониться от употребления алкоголя. Она тихо сказала: «Иди учусь, иначе ты пропадешь».

Резкое письмо прислал Николай, обвинил меня в трусости, малодушии, резко критиковал, чтобы я обязательно продолжил учебу.

Мне было стыдно появляться в школе, ведь я считался хорошим учеником, на собраниях критиковал неуспевающих, а сам оказался двоечником. Еще мне не хотелось встречаться с моей любимой девушкой. Решение надо было принимать, ведь не обязательно учиться в институте, надо просто окончить школу, пойти в армию. Жора съездил в школу, поговорил с директором, с новой учительницей по литературе, она обещала научить меня писать сочинения на положительную оценку.

В середине сентября я появился в школе. Никакого особого внимания к себе я не почувствовал. Хотя у меня была квартира, я каждый день ездил домой. В школу приходил к началу занятий и после занятий сразу уезжал домой. Возил с собой только тетради и художественную книгу. На переменах и из класса не JA выходил, читал книгу и на некоторых уроках.

Первый месяц меня не спрашивали, как будто меня не было. Сидел я на последней парте с Гришей Голубевым, с которым жил на квартире. Лишь сестра Тамары проявляла ко мне интерес. Она часто подходила ко мне и просила что-либо объяснить по математике или физике. Она была очень милая девушка с карими глазами и совсем не похожа на сестру.

Только учительница по литературе не давала мне покоя, спрашивала меня чаще других и внимательно слушала ответы. Пришло время писать первое сочинение. Я дома его написал, собрав все свои знания, и выучил наизусть. В классе я его писал спокойно, но в конце отвлекся от прежних мыслей и окончил его уже после звонка. Проверить не успел. Через два дня учительница принесла сочинения. Всем раздала и сказала, кто какие оценки получил. Мне сочинение не отдала. Потом отдала: «Теперь послушайте сочинение вашего товарища». И прочитала мое сочинение. В конце урока попросила меня зайти к ней в кабинет. После уроков я зашел к ней. Она сразу сказала: «Ты успокойся. Ничего страшного, что ты остался на второй год. Это была допущена страшная несправедливость. Я как увидела твой табель за год, не могла поверить своим глазам. Давай об этом забудем и начнем работать». Потом она сказала, что Чехов писал безграмотно и многие писатели, и всё же они были гении, Пушкин имел двойки по математике, и переходил из класса в класс. Виноваты наши драконовские правила в школах. Успокоив меня, она стала анализировать мое сочинение: «По содержанию оно смело написано, хорошо. Но посмотри, на первых трех страницах нет ни одной ошибки. Почерк ровный, спокойный. А дальше ты куда-то спешишь. Увлекаешься быстрее выразить свои мысли. Рука не успевает за твоими мыслями, ты теряешь внимательность, и твой ум работает только на выражение твоих мыслей. Ты в словах пропускаешь буквы, не дописываешь окончания. Слово тебя уже не интересует, ты погружаешься в выражение своих мыслей. Вот отчего все твои беды. После такого сочинения необходим хороший отдых, и толь ко потом проверять. Если ты будешь и дальше так писать, положительных оценок тебе не видать. У тебя взрывной характер. Если твои мысли взорвались, ты контроль теряешь. Твоя рука должна автоматически правильно писать. У людей способных по грамматике так и бывает, они пишут грамотно, не зная ни одного правила. Но у тебя способностей по грамматике нет. Тебе надо контролировать написание слов. Как научиться писать грамотно, даю совет.

Первое, что ты должен сделать, это писать не более четырех страниц, и писать только простыми предложениями.

Второе писать, как будто ты читаешь по слогам. Третье думай только о написанном слове, одно написал, думай о другом.

Такое сочинение будет хуже по содержанию, но ты будешь иметь положительную оценку. За содержание двойку не ставят. Это, конечно, не так просто, но я тебе помогу».

Сочинение она оставила себе, а в журнале поставила мне за содержание пять, орфография три.

Я ехал домой и всю дорогу думал о нашей беседе. Всё оказалось намного проще. Я понял, чтобы достичь стратегических планов, необходимы тактические маневры, ведь я не буду поступать в гуманитарный институт, где главное содержание, а в технических вузах на содержание не обращают внимания. Дома я сказал, что по сочинению получил тройку. Все были рады.

Ко второму сочинению и готовился очень старательно. Дома его написал, и уложился в че-тыре страницы. В классе и спокойно, медленно писал, и только на последней странице не удержался и не много писал торопливо. Я сделал всего три ошибки, и все на последней странице. Учительница раздала тетради, подошла ко мне, показала на четвертую страни -цу и сказала: «Не выдержал.»

Начались холода, и я стал жить в Камышевке. Хозяин наш был директором клуба и дома держал шахматные доски и книги по шахматам. Так как учебой загружен не был, то занялся игрой в шахматы. По книге Панова «Шахматы для начинающих» я изучил азы и начал решать задачи. Меня это очень заинтересовало. Вечерами я просиживал за шахматной доской.

Хозяин заметил мой интерес к шахматам и пригласил в клуб, где взрослые играли в шахматы. Вначале я только внимательно наблюдал за игрой, потом начал играть.

Однажды я сидел за шахматной доской, решал задачи. Гриша что-то читал, потом посмотрел в окно и говорит: «Твоя Полевая со свитой идет к нам». Он так называл Тамару. А свита у неё была подруга Лиза Солодовникова и сестра Алла. Мы только успели навести порядок, как постучали. Я встал, открыл дверь и пригласил их войти. Они вошли, осмотрелись и похвалили нашу комнату. Я им предложил сесть. Тамара поинте- ресовалась шахматами, и я ей рассказал, как решаю задачи. Она у меня спросила, есть у меня книги для десятого класса и могу ли ей дать на временное пользование. Я ей раньше говорил, что мой брат заочно окончил десятый класс и обещал мне выслать книги. Я ей сказал, что есть, но они дома. Могу принести только в понедельник. И они ушли. В понедельник я принес в школу книги и отдал Алле. Она мне сказала, что Тамара заболела и не приехала, приедет только завтра. «Вот, говорит, завтра ей и отдашь». Но я ей ответил: «Если тебе тяжело, пусть Гриша тебе поможет донести до квартиры». Она улыбнулась, но книги взяла. Они с Гришей дружили. Через день Алла принесла записку. В ней она поблагодарила за книги и попроси да навестить больную. Назначила свидание в семь часов вечера. Я, конечно, пошел, так как сам хотел её видеть. Так мы опять начали встречаться назло всем недругам. Но русским языком больше не занимались, и эту тему она деликатно обходила. Мы вместе решали задачи за десятый класс по математике и физике.

7 ноября 1952 года у Раи родилась дочь. Ее назвали Валя. В это время был в отпуске Николай. Он приехал один, так как дочь была ещё очень маленькая, и Катя осталась с ней дома. Мы всей семьей у Синогиных отмечали ноябрьские праздники.

Как активный комсомолец, я не мог без обязанностей, организовал в школе шахматный кружок, взяв у заведующего клуба несколько шахматных досок. Директор, увидев наши увлечения, купил ещё несколько досок. Мы провели шахматный турнир. Директор был главный судья. Шахматы оказывали на меня большое влияние. Я всю ночь во сне разбирал партии или решал шахматные задачи. Только закрывал глаза, сразу всплывала шахматная доска, и я не мог от неё избавиться, поэтому к концу учебного года бросил в них играть и много лет не подходил к шахматной доске.

И так я закончил за два года девятый класс. А мои соученики прощались со школой. На выпускной вечер пригласили меня и ещё ребят из девятого класса, так как в десятом классе был только один парень. После выпускного бала я с Тамарой пошли к ней на квартиру, потом в сад. Там, в саду, просидели рядом, мечтали и смотрели на светлячков до рассвета. Когда стало совсем светло, пошли по домам. Договорились ехать домой на велосипедах вместе. Доехали до развилки дорог, где одна дорога к её селу, а другая к моему. Я хотел поехать к ней, до её села, но она не согласилась. И так мы расстались навсегда.

Николай прислал письмо, приглашая меня в гости. Начались сборы. Заказали билет из Ростова до Евпатории с пересадкой в г.Запорожье. Одели меня поприличнее, отец отдал мне свою фуражку-«сталинку». Н-грузили меня продуктами. Были две тяжелые сумки и сумка с едой на дорогу. И я отправился в первое свое путешествие по железной дороге. До Запорожья дое-хал благополучно. Единственно запомнилось сообщение по радио о аресте Берия. Его обвинили в шпионаже. В г.Запорожье я приехал на один вокзал поездом «Ростов- Одесса», а на крымское направление поезда идут с другого вокзала. Городского транспорта между вокзалами не было. Я добрался пешком, и тут я почув-ствовал какие тяжелые у меня сумки. Пока дошел до вокзала, мои руки висели, как плетки, и дрожали. Я думал, что у меня никогда не отдохнут. Я закомпостировал билет на поезд «Москва Севастополь с вагонами до Евпатории. На станции «Остриково» нас отцепили от поезда и другой локомотив повез нас в Евпаторию. Приехал поезд утром. Проводник объявил: «Город Евпатория!», и я вышел. Оказалось, я вышел на товарной станции, не доехал до главного вокзала. Но об этом в письме не написали, где выходить. Мне объяснили, как доехать по адресу, который у меня был. Было трудно найти, так как они жили в старом городе, в нем улочки кривые. Но я нашел. Вошел во двор, меня сразу узнали, что я брат Николая Васильевича. Сказали, что очень похож. Соседи сказали: «Они вас пошли встречать». Не встретив меня, пошли гулять, так как был выходной.

Я вещи оставил у дверей и немного по улице погудял. Познакомился с соседскими мальчишками. Во дворе было много квартир. Когда они пришли, мы пообедали и пошли в баню. Так я первый раз в жизни по-настоящему помылся. Мне понравилось стоять под душем. После бани мы все пошли к морю. Меня удивила чистота воды. Заплывешь далеко, а дно все равно видно и на дне камни. В Евпатории на пляже песок. В иных местах ширина пляжа до пятидесяти метров и на всем пляже лежат люди.

Их квартира состояла из одной комнаты и маленькой кухни. Мне поставили кровать. Утром Валю отводили в садик, а Николай с Катей шли на работу. Я с утра шел на пляж. Катя давала инструктаж, как вести себя, и сразу сняла с меня фуражку и сказала, чтобы в городе я её не носил. Вечером Катя готовила ужин, а я с Валей шел к морю. Они жили недалеко от моря. Мы там с ней гуляли, и она звала меня папой. Все удивлялись: какой молодой папа! Я её брал на руки, и она засыпала на свежем воздухе.

Николай редко был дома. В это время проходили учения и ему необходимо быть в части, а она находилась в летних лагерях. Весь день я мог проводить по своему усмотрению. Две соседки были водителями трамвая, и они брали с собой, и возили по городу. Так я знакомился с городом. Мне понравилось днем ходить в кино. Людей было мало, и билеты стоили дешево. До обеда был на пляже, а после обеда ходил в кино. Ходил смотреть на спортивные площадки. Впервые увидел, как играют в волейбол, теннис. Ходил на футбол.

Загорал всегда на одном месте. Рядом загорали два мужчины, и они пригласили в свою компанию. Один был полковником, служил в Германии, а брат его работал в министерстве финансов. Полковник был плотный, спортивный, а работник министерства худой, бледный. Полковник над ним подшучивал, говорил, финансы страны такие же бледные, как ты, но я тебя здесь откормлю. Я не думал, что работники министерства тоже испытывают материальные трудности. Мы играли в карты, шахматы, и они интересо-вались сельской жизнью и очень внимательно меня слушали. Полковник много рассказывал про Германию. Угощали меня разными фруктами.

С Катей я ходил на базар. Я нес Валю, а она делала покупки. Там я увидел такое разнообразие фруктов и овощей! Многие фрукты и овощи я до этого времени не видел. Катя готовила очень разнообразные кушанья, такие, как кабачки, фаршированный перец, который у нас не готовят. Она относилась ко мне очень заботливо. Они относились ко мне одинаково, как буд-то были мой брат и сестра. Там я почувствовал, что ещё есть у меня одна семья, а я, как член этой семьи. Николай возил меня в часть. Познакомил с воинской службой. Один раз взял

меня к кому-то в гости. Был ужин с выпивкой. Там я оконфузился, во время чоканья в руке не удержал рюмку и уронил на стол. Но все отнеслись к этому поступку доброжелательно.

В это время в Евпатории гастролировал московской Большой театр. Я внимательно посмотрел репертуар и выбрал оперу «Евгений Онегин», как более знакомое произведение. Там со мной познакомилась девочка. Она узнала откуда я приехал, и взяла надо мной шефство. Она мне всё объясняла, рассказывала много про театр. С ней слушали оперу: «Чио-чио-сан», смотрели балет «Лебединое озеро». Она отдыхала в санатории, и стала меня приглашать в санаторий вечером на танцы, но Катя мне запретила с девочками близко знакомиться и вечером ходить на танцы, и я отказался. Она больше со мной не встречалась.

Надо было покупать обратно билет, но это оказалось не так просто. Я пятнадцать суток ходил на перекличку и только на двадцатое августа взял билет.

Мне очень понравилось празднование Дня Военно-морского флота. Проплывали огромные красивые корабли. Весь вечер всё море горело огнями. Впервые я видел настоящий фейерверк.

Надо было ехать домой. Началось самое трудное. Я понимал, что не так просто меня в городе содержать в течение полутора месяцев. Но ещё захотели меня одеть.

Николай на своего материала, который ему дают, сшил мне брюки. Повел в мастерскую, меня там обмерили, и ещё ходил на примерку. Купил мне туфли и сорочку. Наверно, им потом было трудно поправлять свое материальное положение, но это была семья родного брата, которая всегда готова прийти на помощь даже в ущерб себе. Обратно у меня тоже был багаж, что вёз, не помню, но это уже были нетяжелые сумки.

Перед выездом я заболел ангиной. Катя меня подлечила, и я поехал. Но в Запорожье я не мог закомпостировать билет на поезд «Одесса Ростов». Не было мест. Просидел трое суток, и у меня опять заболело горло, поднялась температура. Там сидели тысячи людей. Запомнился один мужчина, до войны был преподавателем истории, но уже в конце войны был контужен и ли-шился памяти. Находился в психбольнице, но на лето его отпускали побыть на воле. Он жил на вокзалах, читал лекции по древней истории. Что было до войны, помнил, вставал на скамейки и читал лекцию про Александра Македонского. Ему много давали денег, особенно военные. Говорил, что он был полковником. Потом он покупал водку, напивался и здесь же спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.